Василиса Микулишна и Ставр Одинович

У князя Владимира было пированье великое,
Честно, хвально и радошно.
В полсыта наедалися,
В полпьяна напивалися,
Стали все бояре похвалятися:
Кой похвалится добры кони,
Кой похвалится добры молодцы,
Кой похвалится золотой казной;
Один дескать млад Ставёр,
Млад Ставёр Одинович,
Только по краишку похаживает,
В звончатыя гуселечки поигрывает
На игрушки иерусалимския,
Песенки поет от Царягорода –
«По Божьей по милости,
По женней по участи,
Али мне нечем похвалитися?
Есть у меня молодая-то жена,
Млада Василиса Микулишна;
Молодцы во дворце не стареются,
Добрые кони не ездятся,
Злата казна не точится».
«Почем молодцы не стареются?»
«Потом молодцы не стареются:
Платье на них переменное,
Сапожки на них зелен сафьян,
С носика у них хошь яйцо покати,
А под пятки у них воробей проскочи».
«Почем добры кони не ездятся?»
«Потом добры кони не ездятся:
Стараго продам, молодого куплю».
«Почем злата казна не точится?»
«Потом казна не точится:
Скудным, бедным я в долг даю,
Тем же я ростом год проживу».

Стала дескать Ставрова похвалочка получше всех;
Показалося боярам за досаду всем,
За досаду показалось за великую.
Доносили царю Владимиру:
«Гой еси, Владимир князь!
Есть у тебя в пиру незван гость,
Незван гость, млад Ставёр Одинович;
Нет его хуже во твоих людях,
Во твоих людишках деланыих».
Показалось царю за досадушку,
За досаду показалось за великую;
Велел Ставра с очей сослать,
Велел Ставра в погребы глубокие сажать,
В погребы глубоки сорока сажен;
Задвигать задвижками железными,
Засыпать песочками желтыми;
Не веле Ставру давать ни пить, ни есть,
Велел Ставра смертью голодной уморить.
Что возговорит младой Ставёр:
«Есть у меня скорой гонец:
Скоро бы метался на сиваго коня,
На сиваго латынскаго жеребца;
Выезжал бы далече во чисто поле,
Ко городу Чернигову,
К младе Василисе Микулишне;
На двор бы въезжал, не докладывавши,
Коня бы пускал, не привязывавши;
В горницу бы бежал, крестил бы лице,
Крестил бы лице свое образное,
Кресты бы клал по-писаному,
Речь говорил по-веленому:
«Гой еси, Василиса ты Микулишна!
Пьешь ты да ешь, сама тешишься,
Ничего ты не знаешь, не ведаешь:
Бог на Ставра прогневался,
Владимир князь раскручинился,
Велел Ставра с очей сослать,
Велел Ставра в погребы глубокие сажать,
В погребы глубоки сорока сажен»».

Тут-де у Василисы Микулишны
Скоры ноги подогнулися,
Белы руки опустилися,
Речь в голове помешалася.
Вышла она на право крыльцо,
Вскрикнула, взгаркнула громким голосом:
«Есть ли у мня триста молодцов?
Седлали бы они триста коней,
Были бы седелечки не седланыя,
Были бы уздечки не узданыя
Краснаго бы шолку шемахинскаго,
Цветику булата черемискаго:
Шолк не рвется,
Булат не трется,
Красное золото не ржавеет».
Вышла она на лево крыльцо,
Вскрикнет, взгаркнет громким голосом:
«Нянюшки, мамушки, сенныя красныя девушки!
Вы берите-ко мои золотые ключи,
Отпирайте-ко мой кован ларец,
Вынимайте-ко три ножечка булатные,
Вы снимайте-ко с меня кудри женския,
Надевайте на меня молодецкия:
Буду ль я Василий посол,
Млад Василий Иванович».
Выезжала далече во чисто поле
К городу Киеву, ко князю Владимиру.
На встречу ей Прокофей гонец:
Соезжалися, в сахарны уста целовалися –
«Гой еси, Прокофей гонец, куда ты скоро гонишь?»
«Гоню я к городу к Чернигову,
К младе Василисе Микулишне,
Ставровы животы поросписывати,
А Ставрову жену во поруки взять».
Что возговорит Василий посол:
«Съедемся, воротимся среди пути-дороженьки,
Нет де Василисы Микулишны:
Как послышала невзгодушку великую,
Уехала она в землю вятскую

Ко грозному королю корлятскому»1.

. . . . . .

Что возговорит Владимир князь:
«Гой еси, Василий посол!
Есть ли у тебя таки стрельцы
Со моими стрельцами пострелятися,
Перешибити булатный нож
Ровно на три четверти?»
«Гой еси, Владимир князь!
Дело-то наше заезжее,
Хлебы-то наши завозные:
Разве мне, самому послу,
Со твоими стрельцами пострелятися,
Перешибити булатный нож
Ровно на три четверти?»
Первый раз стрельнула – на двое,
Другой раз стрельнула – на трое,
Третий раз стрельнула – то на четверо.
Что возговорит Владимир князь:
«Гой еси, Василий посол!
Есть ли у тебя таки борцы
С моими борцами поборотися?
«Гой еси, Владимир князь!
Дело-то наше заезжее,
Хлебы-то наши завозные;
Разве мне, самому послу,
С твоими борцами поборотися?»
Первый раз дернет – то руку прочь,
Другой раз дернет – то ногу прочь,
Третий раз дернет – голова долой.
Что возговорит Василий посол:
«Гой еси, Владимир князь!
Тешил я тебя,
Так потешь-ко ты меня:
Выпусти Ставра Одиновича

. . . . . .

Что возговорит Василий посол:
«Гой еси, млад Ставр Одинович!
Пойдем мы с тобой в зеленый сад гулять.

Гой еси, млад Ставёр,
Млад Ставёр Одинович!
Вспомнишь ли, вспамятуешь ли,
Как бывало мы с тобой гуливали;
В сваечки с тобой игрывали, -
Ты в золотую, я в серебряную,
На игрушки иерусалимския
Песенки пели от Царяграда?»
Что возговорит Марья-то Темрюковна:
«Гой еси, Владимир князь!
Это ведь не Василий посол,
Это моя сестрица:
Ручки беленьки, пальчики тоненьки».
Что возговорит Владимир князь:
«Бабий-то разум не как мужиков,
Волос-то долог, да ум короток».

Записана в селе Бережке Юрьевского уезда Владимирской губернии от Екат. Алексеевны Бережковой, просвирни местной церкви летом 1883 г. М. Бережков, «Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии», Неж. 1895 г., стр. 6-11.

1 Тогда оба посла поехали в Киев, где князь начинает испытывать силу и искусство приезжего из Чернигова посла.